
Статья поступила
в редакцию
в ноябре 2010 г.

МЕДИАФАКУЛЬТЕТ БУДУЩЕГО

*Круглый стол, Центр
медиаисследований при Институте
истории культур, сентябрь 2010 г.*

При Институте истории культур в Москве открылся Центр медиаисследований, созданный с целью активизировать научный обмен между российскими и европейскими специалистами в области медиаобразования. Среди тем первой сессии, которая прошла 22–23 сентября 2010 г., были подготовка специалистов по масс-медиа в вузах в соответствии с требованиями отрасли, перспективы участия в Болонском процессе, а также проблемы издания специальной литературы по теории и социологии коммуникаций.

Ключевые слова: теория коммуникаций, медиаисследования, медиаобразование, журналистика, СМИ, Болонский процесс.

Участники

Бикбов Александр Тахирович — заместитель директора Центра современной философии и социальных наук философского факультета МГУ, ассоциированный сотрудник Центра Мориса Хальбвакса (Париж), редактор журналов «Логос», «Пушкин»

Бодрунова Светлана Сергеевна — кандидат политических наук, старший преподаватель факультета журналистики Санкт-Петербургского университета, руководитель Научно-образовательного центра мультимедийной журналистики на факультете, автор монографии «Современные стратегии британской политической коммуникации» (М., 2010), член Университетской ассоциации современных европейских исследований (UACES) и проекта Expert on Europe

Вахштайн Виктор Семенович — кандидат социологических наук, декан факультета социологии и политологии Московской высшей школы социальных и экономических наук, старший научный сотрудник Центра фундаментальной социологии ГУ–ВШЭ

Гатов Василий Викторович — вице-президент Гильдии издателей, член правления IFRA, директор по управлению медиаактивами группы «ПромСвязьКапитал», сотрудник ЗАО «МедиаЗ»

Жарков Василий Павлович — кандидат исторических наук, руководитель программы «Политическая социология и политические исследования» факультета социологии и политологии Московской высшей школы социальных и экономических наук

Морозов Александр Олегович — директор Центра медиаисследований Института истории культур (УНИК), обозреватель OpenSpace

Цыганов Алексей Игоревич — заведующий кафедрой практической журналистики Института современной журналистики, один из соучредителей Института современной журналистики

Шергова Ольга Борисовна — лингвист, редактор, специалист в области телекоммуникаций и медиаобразования

Александр Морозов. В планы нашего центра входит следующее: мы хотим создать исследовательскую группу, которая будет иметь свою издательскую программу, планируем перевести лучшие работы по медиатеории и по другим аспектам медиа. Во-вторых, необходим аудит тех центров медиаисследования, которые есть в России. В отличие от других областей — теоретической социологии или политологии — теория коммуникаций находится в странном состоянии: у нас после Маршалла Макклюэна переведено ничтожное количество классических трудов, а работы последнего десятилетия совсем не введены в российский научный оборот. До конца не понятно, как вообще устроено сейчас у нас в России изучение медиа, и где те центры, которые этим занимаются и производят какой-то релевантный результат. В-третьих, Центр медиаисследований должен быть инкорпорирован в европейские программы. И еще одна задача центра — выяснить, какие существуют инновации в сфере подготовки специалистов в области медиа. Вопрос об изменении журналистского образования стоит очень остро вообще в масштабах всей отечественной системы образования не только потому, что понятно отставание от европейских форматов подготовки, но и потому, что сама сфера медиа меняется, меняется характер и тон специализации, которая требуется для работы в этой сфере.

Виктор Вахштайн. Считается, что есть медиаисследование, а есть медиаобразование. На самом деле нет ни того, ни другого, потому что есть нечто, называющее себя исследованиями медиа, и нечто, называющее себя медиафакультетом, а на самом деле это факультет журналистики, это, в общем, одно и то же. И одно полушарие мозга занимается прикладными исследованиями медиа, но вместе с тем я понимаю, что курса по социологии медиа у меня нет, не было и не будет никогда. Потому что нет никакой социологии медиа. Есть такая маленькая проблема: после Макклюэна, который произвел переворот в сознании тысяч и тысяч интеллектуалов, в большей степени, чем ученых, никто бы сюда не пришел и никакой теории медиа не возникло бы. Соответственно невозможно преподавать курс, который был бы настолько прикладным, чтобы в нем не было хотя бы некоторого набора консистентных языков, теоретических языков описания, которые позволяли бы говорить о том феномене, которому этот курс посвящен. В таком случае это становится курсом ремесленным, но у нас магистерский

факультет, у нас нет бакалаврских программ, у нас нет прикладных курсов, и поэтому делать ремесленный курс теоретическим проектом бессмысленно. И осознавая эту дилемму, надо либо прекратить заниматься прикладными исследованиями, или не называть их социологией медиа, либо сделать вид, что есть так называемое медиаобразование, но медиаобразование не как некая журналистика. Здесь возникает большая проблема. Есть журналистика — и есть медиа как некоторый феномен, который сейчас в состоянии исследования, прежде всего теоретического.

И поэтому вопрос, который ставит Александр, я бы для себя переформулировал так: возможно ли создание такого типа языка, на котором в какой-то момент заговорили бы и те, кто преподает курсы, связанные с медиаисследованиями, и те, кто занимается прикладными методами, и в конечном счете студенты, которые из этих факультетов выйдут куда-то: кто-то пойдет в прикладные медиаисследования, кто-то будет заниматься дальше теоретической работой. Пока таким языком является журналистика, но, наверно, понятно, что она никоим образом не является языком в научном смысле слова, это не медиум коммуникации. Если мы ставим себе задачу выстраивания такого типа обсуждения, тогда мы договариваемся о кодах, о том, как мы это делаем, как мы связываем исследования, например, которые сейчас делаются на передовой медиакомпаний. Мы делаем исследования, мы формируем заказы данных групп — «паблисис групп» или каких-то других конкретных медиазаказчиков, заинтересованных в получении очень конкретных прикладных данных. Например, когда мы ставим камеры в домах у людей, для того чтобы смотреть, как они смотрят телевизор, мы понимаем, почему пиплметр не работает. Дело в том, что пиплметр — это то, что позволяет сказать, сколько людей смотрит в данный момент данный канал. И есть там еще такая рокировка, которую поворачиваете, если вам нравится то, что вы смотрите, и поворачиваете, если не нравится. 75% людей, как показывают наши записи, смотрит телевизор «спиной», никто в этот момент не сидит прикованный к экрану. Исследования рейтингов не учитывают эту очень важную разницу, погрешность. Но это проблемы, которые решаются прикладными медиаисследованиями. То, что при этом происходит на факультетах, где преподается, например, социология массовых коммуникаций, никакого отношения к этому не имеет. Поэтому вопрос остается открытым: есть ли хоть какой-то медиум между этими двумя разными областями осмысления медиа? Можно ли как-то выстроить связку, которая позволила бы соединить эти разобщенные языки описания?

Александр Морозов. Многие классические учебники по теории журналистики до сих пор опираются на старую медиатеорию времен соревнования двух больших систем, когда существовал западный блок и восточный блок и теория коммуникаций, теория СМИ целиком была построена на дискурсе борьбы с тоталитаризмом. А на самом деле с момента крушения двухблокового мира

возникла большая литература, дискурсивная зона, осмысляющая уже и посткоммунистическое, и постлиберальное понимание СМИ, их функционирование, и нельзя сказать, что ее нет. То есть моя мысль сводится к тому, что, может быть, мы плохо знаем, что было после Макклюэна.

Светлана Бодрунова. Я бы добавила то, что любая наука должна иметь свой метод. Что должно стоять первым, что должно стоять в начале: попытка поиска языка или попытка поиска метода? И наверное, проект перевода литературы — это тот проект, который мог бы создать платформу для понимания, можем ли мы это создать, есть ли такие попытки. Может быть, конечно, есть люди, в том числе и среди нас, которые отслеживают литературу в должном объеме, но это большая работа, это огромная работа. И она рассредоточена по разным вузам, она рассредоточена по разным центрам, и все равно каждая книга принимается локально. Она не воспринимается в рамках дискурса ни до, ни после нее. Пока я не думаю, что какой-то факультет, например, ставит такую задачу. Это не задача какого-то обучающего заведения, на мой взгляд. И поэтому нам очень не хватает центра, где от людей, которые преподают, занимаются прикладными и фундаментальными исследованиями, работают в практической журналистике, можно было бы получить рекомендации. Больше, наверно, ни в одной гуманитарной науке нет кода, а есть дискуссия около кода, мне кажется, что это ситуация, касающаяся не только медиа. И я думаю, что мы все ощущаем эту огромную лакуну.

Александр Морозов. Теоретический вопрос стоит так: до сих пор вся сфера медиа описывалась различными дисциплинами, эта сфера с успехом изучается последние 10–15 лет. Есть социология коммуникаций, есть политическая философия, которая занимается медиа, есть просто медиалогия, которая занимается примерно тем, о чем говорил Виктор, т.е. отсчитыванием пиплметров, медиазамерами... При этом соответственно встает вопрос, кто преподает это и каким образом. Существуют классические произведения, их условно можно сейчас обозначить словом «медиа теория», потому что они сделаны в рамках разных дисциплин. Существуют также дисциплинарные кросскультурные исследования, когда привлекается сразу большая группа и выясняется что-то о состоянии медиа. Мы, конечно, не ставим себе цель создать такой базовый курс медиатеории. Это была бы достаточно утопическая и слишком масштабная задача. Необходимо ввести в отечественный оборот релевантный значимый материал из тех дисциплин, которые занимались медиа, что бы это ни было — социология, политология, даже лингвистика или то, что связано с оптическими искусствами, что, по существу, зачастую изучается в рамках искусствознания и cultural studies и т. д.

Василий Гатов. Продукт медиаобразовательных учреждений подкрепляется в наибольшей мере как человечески, так и интеллектуально самими медиа. Индустрия эта очень шумная, на самом

деле и не очень большая, и под воздействием происходящих экономических процессов становящаяся еще меньше. На сегодняшний день, если описывать, например, российскую конструкцию, трудно назвать примерное количество людей: около 200 тыс. человек в России работают по специальностям, которые могут быть приписаны к этой сфере. При этом из них половина реально занята производством контентов, все остальные — это служебные специальности, которые обрабатывают, визуализируют, редактируют не в смысле редактур смысла, а просто физически, режут или, наоборот, склеивают. Еще примерно 250–300 тыс. человек — это люди, которые в той или иной степени используют навыки медиакоммуникаций и медиазнания в своей практической деятельности, связанной с другими областями. Итого это примерно 0,7% трудоспособного населения страны. Это не так уж мало, но, в общем, и не так много. Доля населения, работающего в области медиаспециальностей, в Голландии, к примеру, превышает 1,7%. В США, я думаю, она намного больше, и еще больше — в странах, которые озабочены сохранением культурных особенностей: Португалия, например, или Япония, или Филиппины, как это ни странно. Но факт остается фактом: у нас есть большой количественный зазор, для того чтобы продолжать пополнять общество медиаспециалистами, потому что современное общество довольно большую долю своего времени отдает коммуникациям в самых разных формах, и эта доля времени должна быть обслужена с максимальным пониманием того, что делается.

Второе соображение, которое имеет неожиданно прямое отношение к журналистике, или медиадеятельности — на самом деле я бы стремился к использованию такого большого термина, — это то, что сама по себе эта профессия или группа профессий переживает во всем мире, не только у нас, очень серьезный период ломки изнутри по самым разным направлениям: от ценностных моделей и моделей компетенций до изменения миссии, свойственной данной профессии в силу исторических, политических, социально-культурных и прочих причин. Миссия здесь поставлена на последнее место не потому, что она имеет третье-степенное значение, а просто потому, что так получилось. На самом деле на первом месте, конечно, идет миссия, идет смысл, понимание, зачем вообще осуществляется коммуникация между людьми. И в этом смысле я просто хотел бы упомянуть и поблагодарить людей, которые в этом году издали труд Режи Дебрэ «Введение в медиалогию», потому что это, конечно, абсолютно фундаментальный труд, который появился на русском языке впервые. У нас, правда, этот вопрос ставился раньше всех, если я правильно помню, об этом еще Михаил Васильевич Ломоносов писал, вводя в русский язык слово «журналистика», — о том, что существует не только прямой смысл, существует задача. Вот, собственно говоря, появление на русском языке Дебрэ — это одна из частей той работы, которая делается.

И теперь третья группа вещей — два продукта: исследования и журналисты. По моим наблюдениям, практикам теоретики не нужны, даже в Америке они очень далеко разошлись. Теория медиа просто не успевает осмыслить слишком свежее событие, человек раньше потреблял медиа периодами, а сейчас практически эти периоды слились. Мы мечемся между мобильными устройствами, экраном компьютера, экраном телевизора и т. д. Хотя при этом практика очень сопоставима с теорией, потому что управленцы регулярно совершают абсолютно детские ошибки, начиная от стадии планирования своей деятельности и заканчивая прикладными вещами, связанными с тем, что они доверяются, например, зачастую не социологии СМИ, а потребительскому маркетингу, который может давать абсолютно ложные направления в принятии дорогостоящих решений.

Я абсолютный фундаментальный сторонник того, что журналистика — это ремесло, это пэтушное образование. Журналистика как базовая способность человека собирать, классифицировать, перекладывать информацию и выдавать ее потребителю в другом виде реально от работы пекаря отличается только тем, что у тебя компоненты не соль, вода, мука, яйца и дрожжи, а слова и смысл. Да, журналист должен обладать лучшей реакцией, чем пекарь, но, конечно, это абсолютное ремесло. Ремесленная школа не только дает гораздо более правильные профессиональные навыки: как это ни парадоксально, она раньше давала более качественные ценности для медиа, потому что была возможность общаться с людьми, которые не теоретически представляют себе проблемно-этический выбор, а практически этот выбор делают каждый день. Поэтому обучение журналистике — это практический бакалавриат. Человек имеет какие-то навыки, и тогда он начинает прикладывать медиазнания к навыкам; на самом деле не обязательно они должны быть связаны с коммуникативистикой. Можно учить детей этому в школе; при сегодняшнем объеме медиапотребления, наверно, это тоже было бы неплохо, чтобы дети понимали, на что они тратят такое количество времени.

Александр Морозов. Если представить себе, что СМИ — только отрасль, то тогда так оно и есть. Но дело в том, что это — отраслевое видение ситуации. Медиа же являются не только отраслью, но и культурным феноменом в широком смысле слова. Медиаобразование, наоборот, начинает задумываться о том, как противостоять этой самой отрасли и тому, что она производит.

Василий Жарков. Вопрос: как нам построить факультет и как нам сделать так, чтобы его выпускники все-таки были в медиа задействованы не как операторы камеры наружного наблюдения, а как-нибудь более интересно для себя и для своих качественных работодателей. Собственно, проблема, с которой я сталкивался чаще практически, состоит в том, что существующий заказчик не удовлетворен качеством выпускаемых специалистов, которое предлагают, скажем так, традиционные факультеты журналистики.

И где-то, наверно, с конца 1990-х — с начала нулевых годов периодически предпринимаются те или иные попытки создания новых школ, которые бы этим новым потребностям отвечали. И здесь существует огромный риск, на который вы, Александр, довольно хитро хотите ответить, потому что это то, на что обратили внимание мои уважаемые коллеги из университетской среды. Существуют, по сути дела, две картины мира, и соответственно два языка описания, и две методологии. И, увы, эти две картины мира практически не пересекаются. Более того, при попытке их каким-то образом совместить возникает довольно тяжелый конфликт, который связан с тем, что стороны просто не понимают, что они хотят получить на выходе. Потому что, с одной стороны, есть академический взгляд на то, как мы готовим медиаспециалистов, и существует некоторое количество теорий и монографий, есть еще доморощенные, так сказать, специалисты в этой области, которые предлагают некий один взгляд на эту ситуацию и совершенно определенный набор текстов, понятий и методов. С другой стороны, существует собственно массмедиа, где мы, например, очевидно видим тенденцию — по крайней мере на сегодняшний день я рискну это констатировать, — что роль текста сокращается, в иных случаях вплоть до полного исчезновения. И отсюда в системе занятости оказывается, что дизайнер или человек, который отвечает за то, как этот текст сверстан, играет порой бóльшую роль, чем тот человек, который этот текст пишет. И, увы, еще одна тенденция, которую мы видим в наших СМИ в последние годы, — это снижение общего качества текстов и снижение, скажем так, качества отношения к информации. Если мы не берем топовые издания, тем более существующие на протяжении долгого времени, а берем то, что возникло в последние годы, то, как правило, это довольно низкое качество. Отсюда возникает вопрос: а можем ли мы каким-то образом действительно объединить эти две группы, действительно каким-то образом создать проект, в котором обе картины мира могли бы быть сведены?

Есть еще одна важная сторона: как здесь могла бы быть востребована академическая составляющая? Я думаю, что вряд ли стоит двигаться по пути создания какой-то новой дисциплины, которая бы что-то объединила, создала бы свой язык, свою теорию и т.д. И здесь я, конечно же, скорее склонен говорить не о ПТУ, а о постдипломном образовании, о том, что современному человеку медиа — при всей ускоренности жизни, при всей важности картинки, при всей необходимости быстро реагировать — важны некие общекультурные знания, связанные с другими картинами мира, прежде всего, скажем, с научной картиной мира, с художественной картиной мира, я не скажу о религиозной картине мира, но, очевидно, что она тоже где-то здесь периферийно должна присутствовать. И знаний, которые дают эти картины мира, явно не хватает сегодняшнему человеку медиа, практическому человеку медиа. Отношение к информации, работа с этой информацией,

отношение к значению слова, отношение к тому, как мы проверяем источники, — это простейшая, казалось бы, ремесленная составляющая, но она имеет очень глубокие гносеологические корни.

Журналистское образование и медиаобразование — это, скорее, постдипломное образование. Мы прекрасно видим это на примере, кстати, журналистики 1990-х годов: очень многие пришедшие в профессию из общегуманитарных дисциплин — из истории, философии, права — и технических дисциплин зачастую оказались более успешными и востребованными медийными фигурами и акторами, нежели те, кто имел изначально журфаковское образование. Собственно, во многом, кстати, из-за этого и возникла идея нового журналистского образования на рубеже 1990-х и нулевых годов как раз примерно у этой когорты людей. Должно быть так: человек получил уже какой-то бэкграунд, владеет языком описания в той или иной дисциплине, получает дополнительную постдипломную, ремесленно ориентированную подготовку и становится тем, кто способен сидеть на двух стульях, разговаривать с людьми из академической, университетской среды и в то же время достаточно качественно и адекватно действовать на медийном поле. Может быть, это была бы та сверхзадача, которую можно назвать «медиафакультет будущего».

Светлана Бодрунова. Система бакалавриата и магистратуры способна учесть все, о чем мы сейчас сказали. Возьмем четыре года бакалавриата. Кто-то выбрал журналистику. Вот у нас выпуск только что был, больше 500 человек в мае-июне, страшное дело на самом деле. Просто так получилось, совпало несколько программ: пятилетний, четырехлетний, магистерский блок, большой был набор в магистратуру, и вышло очень много специалистов в этом году. Но мне видится бакалавриат четко состоящим из двух частей. Первые два года — то, о чем мы говорили: фундаментальная подготовка, т.е. понимание картины мира какой-то, начиная от политики и геополитики и заканчивая стилистикой. И последние два года — это подготовка с точки зрения техники, собственно письма, ремесла по типу школы журналистики с максимальным погружением в практику. Мне кажется, что вот это способно было бы выкинуть тех людей, которые стартуют с бакалавриата, на уровень если не редакторский, то по крайней мере выше, чем собственно журналистский. Они бы за эти годы добрались до какого-то уровня чуть-чуть выше. У нас из 17 человек моего первого выпуска бакалавриата в Петербурге, по-моему, пятеро моментально были приняты на высокие должности просто потому, что не хватало кадров на тот момент. Сейчас с этим все сложнее, но они за четыре года сумели путем поиска какой-то самостоятельной практики вылезти на такие уровни, о которых при поступлении даже и не думали, честно говоря. Что касается магистратуры, то сейчас есть четыре разных варианта магистратуры, и идти в медиаисследование и делать магистратуру собственно по *media studies*, начиная от медиафилософии и заканчивая прикладными исследованиями, — это

одна часть магистратуры, совершенно отдельная. Вторая — это практически ориентированная часть. Мы сталкиваемся с тем, что в такой магистратуре трудно работать с людьми, пришедшими из разных бакалавриатов. Возможно, просто проблема в том, какие программы магистратуры существуют, что они не устроены по принципу школы журналистики. Они не дают ни понятия современной техники для универсального журналиста, не дают практики в достаточном объеме, если мы говорим о практически ориентированной журналистике и даже шире — о журналистике и медиадеятельности.

Александр Морозов. Сложилось впечатление, что люди после журфака не идут работать в журналистику, а люди, которые работают в журналистике, не имеют журналистского образования.

Василий Гатов. Я проводил анализ. У нас было 470 СМИ, федеральных и не очень крупных региональных, в этом анализе. Выпускников журфаков МГУ, СПбГУ, МГИМО, Ростовского, Воронежского и Екатеринбургского университетов меньше 15%.

Дальше мы сделали еще одно исследование: как раз среди замов выпускников много, а других практически нет, если не считать недовыпускников журфака, т. е. это человек, который в какой-то момент ушел, бросил и ушел. Классический пример — действительно мегамастера журналистики, которым просто надоедает учиться и т. д.: Сергей Мостовщиков, Илья Кудрявцев. Илья был главным редактором. Андрей Реут 19 лет учился журналистике, после чего лично Ясен Николаевич Засурский принес ему диплом домой, когда тот был в статусе первого заместителя главного редактора «Известий». На самом деле это большая проблема. На телевидении чуть получше, на телевидении среди руководителей телеканалов, творческих руководителей больше процент выпускников журфаков, но жестко больше процент выпускников журфака МГУ, причем в местах, где традиционно москвичей недолюбливают и стараются их не привлекать к какой-то деятельности, — на региональных телеканалах. Условно говоря, по Сибири у нас подобралось 20 региональных телеканалов, на десяти редакторы информационных служб — выпускники журфака МГУ, правда, пришедшие, как правило, не из телевизионных компаний, а из газет.

Александр Морозов. Мой вопрос сводится к тому, что журналистское образование в значительной степени как бы инерционно досталось нам по наследству практически еще с тех времен, когда всеобщая грамотность достигнута не была, и поэтому человек, обладающий грамотностью, уже пользовался большим авторитетом, сидя на зоне, потому что он мог писать письма за уголовников, и поскольку он был образован, то владел искусством нарратива. Он мог, скажем, «Графа Монте-Кристо» пересказывать, и за это его не били, он поэтому уже обладал высоким статусом. Сейчас каждый может рассказать «Графа Монте-Кристо», потому что это в Интернете есть, каждый может написать письмо. Что

происходит, какие изменения происходят в подготовке медиаспециалистов, скажем, в Петербургском университете на журфаке?

Светлана Бодрунова. Конечно, инерционность присутствует. Вопрос о степени новизны, о том, насколько это образование изменилось. И дисциплина такая, что зазеркалье полное, надо бежать в 3 раза быстрее, чем в других дисциплинах, чтобы стоять на месте. И понимание этого, конечно, где-то в глубине души есть, но ты упираешься: а) в недостаток финансирования, б) в структурную неподготовленность самого факультета журналистики, в ту структурную махину, которая была создана, и в) в контингент преподавателей и в инерцию системы преподавания. Достаточно молодое и по духу, и по возрасту руководство моего факультета приложило за последние десять лет массу сил к тому, чтобы модернизировать образование настолько, насколько это было возможно в тех финансовых рамках, которые были доступны. И те люди, которые продолжали преподавать, — они даже на иностранных языках не читали, честно сказать, т. е. было мало людей, которые регулярно читали литературу на иностранных языках.

Второй момент — это очень мало преподавателей-практиков, потому что, как известно, неудавшийся журналист приходит на журфак: есть такая категория преподавателей, которые не состоялись в своей профессии. А трудность привлечения практиков состоит в их жутком графике и в нашей неспособности создавать им такие условия, чтобы они приходили с удовольствием. Иногда эти люди даже есть, но в силу инерции самого факультета мы не хотим с ними стыковаться. Мы «сами с усами». Что, мы не научим людей? Мы учим писать — что, мы не знаем, как оно делается? Мы не анализируем опыт современных медиапроектов, хотя бы российских, пускай даже онлайн-овых, не говоря уже о каких-то телевизионных или в сфере IP-TV, еще где-нибудь за рубежом. Мне, как представителю международной кафедры, было всегда немножко легче, потому что, во-первых, кафедра постоянно читает просто на языках и привозит постоянно литературу, иногда за свой счет, потому что размеры закупок литературы, естественно, упали просто катастрофически, приобретается литература только на русском языке. И конечно, преподавателям самим не хватает опыта работы и общения с медиасферой. У нас была масса попыток организовать диалог, скажем, у PR-отделения с главными заказчиками, у журналистов с главными заказчиками опять-таки и с генеральными директорами компаний, которые нанимают журналистов. Но это редкие случаи, нет регулярного общения. Поэтому есть сразу целый веер проблем в деле модернизации образования. Но, мне кажется, самое главное — что нет системы модернизации и нет понимания, куда надо двигаться. Существует огромная инерция со стороны научных и педагогических кадров с точки зрения сохранения статуса академической науки, потому что очень страшно потерять статус факультета, очень страшно перейти к уровню школы журналистики и говорить «я — преподаватель

школы журналистики» вместо «я — преподаватель факультета журналистики СПбГУ». Трудно представить, что надо уже очень срочно переходить на сильно практико-ориентированную, технологически ориентированную журналистику.

Идея медиаэкономики появилась на журфаке МГУ. А наша идея — продвижение медиаменеджмента, у нас есть и магистерская программа, есть дисциплины, которые посвящены этому. Я считаю, что в будущем на журфаке должно быть три больших зоны: производство контента, медиаменеджмент и медиаэкономика, т. е. управление медиапроектами любого характера: сетевыми, онлайнowymi, телевизионными и др. И третья зона — это в чистом виде *media studies* в рамках магистратуры и в рамках аспирантуры. Как перестроить, как встроить наши десять с половиной — одиннадцать кафедр в эту систему? В принципе, это не такая большая проблема, но это еще год-два-три, если эта концепция будет принята.

Заказ на специалистов — менеджеров и создателей контента — должен поступать из индустрии, индустрия должна каким-то образом больше принимать участие в образовании этих специалистов. Мне кажется, что 3–4-й курс на бакалавриате — это то самое место, где надо гораздо больше внимания уделять практике.

Алексей Цыганов. Когда мы создавали наш Институт современной журналистики, это было руководство Института истории культур и буквально два или три человека из практической журналистики, я тогда работал в журнале *Men's Health* заместителем главного редактора. Первое, что мы решили на нашей общей встрече, — давайте вообще не придерживаться никаких госстандартов, давайте просто сядем и подумаем, чему бы мы хотели научить сейчас наших студентов. Просто возьмем и попробуем это придумать с нуля. И так вот с нуля родилась, собственно, программа, которая называется «практическая журналистика», преподаванием которой я занялся, уже покинув *Men's Health*, не могу сказать, что я был сильно неуспешным журналистом, но, тем не менее, решил перейти в преподавание.

Почему, собственно, возникла идея создания этого факультета, точнее, создания этого института? Потому что как раз мы встали перед вопросом: а сколько, например, из тех самых 500 выпускников, условно, журфака МГУ, СПбГУ в итоге работают практикующими журналистами? Кто пишет в итоге? Смотрели на состав наших редакций: здесь инженер — системный техник пост редактора занимает, здесь историк, здесь еще кто-то... И мы решили три года назад: «медиафакультет будущего», Институт современной журналистики, который мы создаем, он и будет тем местом, которое выпускает практикующих журналистов.

Каким образом реализуется у нас преподавание практической журналистики? Поскольку у нас немножко другая система, мы не государственный вуз, у нас несколько иные возможности, мы как раз к преподаванию журналистики привлекаем именно

практикующих журналистов, причем успешных, по крайней мере работающих в успешных СМИ. Курс «практическая журналистика» в принципе построен на изучении журналистских жанров, и начинаем мы с изучения поиска информации. Он состоит из нескольких ступеней, т. е. на каждый жанр отведена своя ступень: новости, репортаж, интервью, статья — все что угодно, и на каждой из этих ступеней стоит в качестве преподавателя именно практикующий журналист. Допустим, «репортаж» у нас ведет Анна Рудницкая из «Русского репортера», которая ничем, кроме написания репортажей, в своей жизни сегодняшней не занимается, больше нигде не работает. Возник вопрос опять же, каким образом привлекать этих практикующих журналистов к повседневной работе, потому что у них, конечно же, нет времени на то, чтобы приходиться на лекции, что-то читать, преподавать или проводить практические занятия. Решение нашлось в дистанционной модели образования, которую мы сейчас очень активно реализуем, в этом году наш институт совсем отказался от очной программы, и как раз журналистику мы преподаем дистанционно, с помощью Интернета. Лекции построены в виде интервью, когда я встречался лично с каждым преподавателем, мы там с кем-то час, с кем-то три часа, с кем-то десять часов беседовали о том, чем он занимается в своей жизни и какие навыки ему для этого нужны, что конкретно он делает, какими он может практическими наработками поделиться. Эти интервью выложены в открытом доступе для наших студентов, их можно послушать, изучить, и каждая из таких лекций-интервью сопровождается как минимум одним практическим заданием. Как минимум одним, как максимум — десятком практических заданий, которые студенты выполняют либо самостоятельно, либо во время онлайн-семинаров. То есть в принципе все поставлено на поток.

Собственно, я вижу факультет будущего именно таким, опирающимся на трех китов: дистанционное образование; образование, построенное на том, что преподают его именно практики; и на какой-то уникальной программе, которой, в принципе, еще нет. Очень жаль, что сегодня не пришел к нам Александр Колесниченко из «Новых Известий», который, собственно, написал, на мой взгляд, прекрасный учебник «Прикладная журналистика». И этот учебник, не могу сказать, что я месяцами проводил research какой-то, но из всего того, что сегодня продается в книжных магазинах, наверно, это один из самых дельных вообще учебников, по которому можно преподавать именно практическую журналистику.

Василий Гатов. Вопрос: нужно ли нам готовить универсального солдата? Совершенно очевидно, что развитие массовых коммуникаций ведет к росту специализаций. И что очень важно, не только к росту специализаций в том, каким методом человек пользуется или в каком жанре работает, но и к росту специализации, например, эмоциональной, что вообще практически никто на сегодняшний день не оценивает. Мы явно идем в область, где средства массовой информации — переносчики эмоций, а не информации,

потому что информацию человек получает в гораздо более персонализированной форме, и как раз он будет выбирать градус, на котором он захочет ее получать.

Другой вопрос. Надо ли учить человека, которого выпускает факультет, всему, что необходимо сегодня для работы с разными медиаканалами? Мне кажется, у него должно быть представление, у него должны быть хорошо развиты какие-то навыки. Далеко не все медиапроизводители будущего будут производить именно мультимедийный контент в его классическом понимании, специализацию никто не отменял. Если человек должен одновременно снимать и записывать звук, запоминать, выстраивать эмоциональный фон, фиксировать, то все это он будет делать плохо, по крайней мере посредственно, даже если он очень талантливый. Поэтому мой ответ универсализации, скорее всего, — нет.

А другой вопрос, который для меня очень важен с образовательной точки зрения, заключается в том, что происходит, если при введении двухстадийного бакалавриата увеличивать количество общегуманитарных дисциплин — не обязательно общегуманитарных, можно сказать, общепознавательных дисциплин... Я вот сейчас познакомился с журфаковскими стандартами на следующий год и в ужасе обнаружил, что им будут преподавать все эти экономические знания один семестр, по-моему, в общей сложности 14 часов. Очевидно, что из журфака никогда не выйдет ни один журналист, который будет работать в деловом медиа. Чтобы работать, ему эту область придется снова изучить полностью. И еще это будет происходить в первом семестре. К моменту, когда он начнет специализироваться, он все забудет.

Несмотря на все правила и принципы Болонской системы, в определенных отраслях определенный материал должен поддерживаться на протяжении всего срока обучения. Нам долбили головы философией, научным коммунизмом, научным атеизмом — нашему поколению — с первого по пятый курс. Парадоксальным образом я сейчас понимаю, что это было достаточно полезно с точки зрения разработки аналитических способностей и языка. Когда весь обязательный курс отчитывают за первые два семестра, у меня вызывает серьезные опасения качество конечного продукта.

Ольга Шергова. Я хотела бы вернуться в самое начало нашего обсуждения и внести несколько ремарок по поводу самого термина «медиаобразование». Он не имеет отношения ни к журналистскому образованию, ни к чему-либо связанному с журналистикой. Обучение делали практическим навыком восприятия текстов средств массовой информации как части базовых, фондовых знаний любого человека. То есть речь идет о культуре потребителя. Моя диссертация не является единственной на тему медиаобразования. Их очень много, но моя — единственная, которая не написана в рамках педагогической науки. И это довольно важный момент, потому что когда говорят о медиаобразовании, обычная практика и на Западе, и у нас установившаяся, — это то, что давайте

готовить детей, а если мы говорим, что надо готовить детей читать газеты, смотреть телевизор или включать компьютер, значит, этим занимается педагогика. И дальше педагоги говорят: да, мы знаем, это все очень плохо, и сейчас мы расскажем, как это плохо. И дальше вот этот протекционистски-охранительный подход сразу на все накладывает свой отпечаток, и это в основном обсуждение всяких манипуляций, зомбирования и прочих негативных составляющих средств массовой информации. А речь идет о том, что просто медиаобразование ставит своей целью формирование критического восприятия — «критически» не означает «негативно» — и формирование навыков самовыражения. Эта идея была высказана в конце 1970-х — начале 1980-х годов.

И собственно, пройдя вот этот путь отсюда к теории медиа и к теории массовых коммуникаций, я как раз и подошла к тому самому вопросу, который прозвучал в начале, но совершенно с другой стороны. Потому что для того, чтобы обучать детей, как критически воспринимать средства массовой информации и как самовыражаться, нужны какие-то люди, какие-то педагоги, они откуда-то должны взяться, и должны откуда-то взяться соответствующие знания. И меня интересовал вопрос именно методологический: как может быть составлена программа, для того чтобы возникли такие педагоги?

Когда этим занимаются сами педагоги, им почему-то кажется, что им не нужно никакого образования в области медиа, они и так сами во всем разбираются, как в филологии и медицине. Поэтому изучение существующих иностранных программ подвело меня к мысли: понятно, мы не можем их просто взять, перевести на русский язык, выдать кому-то и сказать: давайте, теперь идите и учите. Это все равно должно быть как-то адаптировано и вписано в контекст и нашего школьного образования, и нашего высшего образования, и в культурный контекст наших средств массовой информации. Я для себя обнаружила, что медиаобразование именно в науке о программах, скажем так, можно этимологически противопоставлять медиаграмотности. На Западе и в США заложен уникальный — с одной стороны, целостный, а с другой стороны, междисциплинарный — подход к средствам массовой информации, отличный от существующей теоретической практики изучения средств массовой информации в России. То есть про факультет журналистики, тот или иной, вы довольно много говорили уже, и он сильно ориентирован на профессию, что меня как выпускника, сотрудника факультета, а потом аспиранта факультета журналистики возмущает, потому что университетское образование должно быть университетским, а не сугубо профессиональным. И собственно говоря, даже заинтересованность факультета журналистики Московского государственного университета в развитии и поддержке программ медиаобразования связана именно с тем, что они хотят, чтобы уже в школах формировались практические навыки. То есть издаем школьную газету, делаем школьное телевидение — вариации

школы юного журналиста получаются. Теоретической составляющей в этом тогда уже не хватает: когда самоцелью становятся именно юные журналисты, потенциальные абитуриенты, тогда составляющая формирования критического восприятия пропадает. Если за дело берутся педагоги, то происходит ровно наоборот: они транслируют сильно негативное отношение — и все. Возвращаясь к программам: в них медиа рассматривается как единый объект. Если мы рассматриваем вопрос жанра, например, то это не имеет значения, здесь один объект: тут газета — жанр заметки, а тут жанр телевизионного репортажа. А традиционная литературная система жанров? Например, в Новой Зеландии программы по медиаобразованию являются обязательными в старших классах, в двух из двенадцати, и там просто школьники выбирают курсы, какие они хотят прослушать. И там есть курс, который называется «связь жанра медиапродукта и его аудитории». С точки зрения потребителя это значительно важнее для понимания тех процессов, с которыми он сталкивается ежедневно, чем непосредственно навык написания статьи, заметки в газету. Условно говоря, «Время новостей» с учетом того, что газета «Время новостей» с завтрашнего дня будет называться по-другому и вообще скоро перестанет выходить на бумаге. Если учесть проблему новых медиа, социальных сетей, а тут еще компьютерные игры, тут еще цифровые прочие проблемы, то в большинстве стран, где не существует единой инициативы по этому вопросу, это все рассыпается на какие-то маленькие частные инициативы, и из этого не вырастает того института, который смог бы действительно создать основу для появления этих программ сугубо прагматически. Есть несколько крупных проектов, преимущественно в газетах, потому что понятно, что они осознают свой конец быстрее, чем все остальные, — именно через школьную программу поучить школьников. Существуют отдельно инициативы самих учителей, которые хотят использовать средства массовой информации в образовании.

Александр Морозов. Современное представление о публичной сфере меняется. Когда-то или еще недавно действовали такие схемы публичного пространства, при которых сверху власть, олигархические группы, держатели медиа, владельцы ключей транслируют вниз, а снизу существовало только сопротивление. В современной модели так называемой делиберативной демократии коммуникации устроены не вертикально — горизонтально, а как бы какой-то спиралью раскручиваются, втягивая различные группы, которые должны относиться к медиа, с одной стороны, критически, но с другой стороны — партнерски. Речь идет о кооперации, потому что это общественная кооперация, она не может быть построена только на отторжении содержания медиа и даже тех правительственных или неправительственных программ, которые через медиа вбрасываются в общественное обсуждение. Получается, нужна теория не для отраслевиков, которые производят, а для потребителей, которые потребляют. И нужно учесть

то, о чем сейчас говорил Василий: что мы перешли в новое общество, в котором потребление медиаконтента больше не является дискретным, а является, по существу, непрерывным, раньше ты покупал газету и был читателем этой газеты, сейчас потребление идет непрерывно, в каждый момент. И главное — что потребление очень трудно отличить от производства, по существу говоря, неизвестно, где мы его производим, а где потребляем.

Ольга Шергова. Я начала заниматься проблемами медиаобразования в 2002–2003 г., и тогда мне повезло, что я проходила стажировку в штаб-квартире ЮНЕСКО, и меня в отделе коммуникации и информации посадили писать презентацию для стран Средиземноморского бассейна, что им жизненно необходимо медиаобразование, о котором я в первый раз тогда услышала. И когда я это пересказывала тогда в Москве, в основном люди крутили пальцем у виска. Сейчас это выглядит иначе. В начале июня на факультете журналистики прошла первая всероссийская конференция по вопросам медиаобразования, и уже толпы людей со всей страны стучат кулаком по столу и говорят: да, оно нам очень нужно, но мы не можем, это самое главное, потому что телевизор — это зло. Раньше у нас была секция на нашей годовой конференции, полностью тоже посвященная медиаобразованию, и на ней присутствовали удивительным образом преподаватели из регионов, которые занимаются медиаобразованием, проектами типа «газета в школе», но по своей инициативе или каким-то образом. Такие вот странные энтузиасты. Я ожидала теоретиков, а приехали учителя старших классов. И я в связи с этим думаю о такой странной вещи: в Англии, например, один из первых предметов — это *critical thinking*; он не имеет отношения ни к математике, ни к английскому, ни к чему-либо еще. У нас отсутствует в школьной системе, в наших предметах что-либо подобное с первого по одиннадцатый класс.

Светлана Бодрунова. Медиаобразование должно включать две цели: критическое восприятие и навык самовыражения. Можно себе представить, как это должно выглядеть. Стоит учитель и говорит: мы посмотрели программу «Постскрипtum» товарища Лужкова и «Дело в кепке» товарища Доренко. И давайте обсудим, где вы что узнали, где вы что увидели. А вот у нас еще статья неизвестного автора из «Московского комсомольца» и известного автора из «Российской газеты», и еще пара программ первого и второго каналов. В общем, я думаю, что этот чудесный всплеск разных мнений, который мы сейчас наблюдаем, можно использовать как кейс занятия по медиаобразованию. Все обсудили, дальше, предположим, раздали практическое задание: теперь давайте — вы защищаете Юрия Михайловича Лужкова, а вы говорите всю правду, и только правду, и ничего, кроме правды. И это настолько неестественно на самом деле для русской школы. Дальше придут дети со своими газетными заметками. Тут мы еще просто говорим о факте, а если мы будем обсуждать форму, то дальше этот

учитель, даже если он подготовлен, даже если он на самом деле выпускник факультета журналистики или выпускник факультета вашего института, который вы описывали, он оказывается в позиции, где он не судит, а исследует дискуссию. Как оценки ставить — это тоже отдельный вопрос.

Александр Морозов. Поведение современного человека в медиасфере, в публичном пространстве, как бы оно ни было организовано, — это чрезвычайно важный сегодня момент медиаисследований, потому что, если это не исследуется никаким образом и не возникает понимания, соответствующего современному моменту, то дальше будет углубляться негативизм и тем самым возникнет отсутствие кооперации, антикооперация со всеми.

Александр Бикбов. Я бы хотел с нескольких констатаций начать. Первое: идеальная модель факультета журналистики — это театральное училище. То есть большие мастера учат подмастеров, которые потом, выйдя на сцену, через некоторые этапы собирают большие залы. Но практическая модель журналистского факультета — это филфак. Это внимание журналистики к отменной литературе очень хорошо. Кстати, можно видеть, что наиболее интеллектуально состоятельные и амбициозные студенты очень часто выбирают в рамках факультета журналистики темы около журналистики, к примеру «Набоков как журналист», т. е. фактически заявляется тема по филологической специализации и, так скажем, академического типа письма.

Если журналистика — это недолитература, то самые интеллектуально состоятельные студенты пытаются заниматься настоящей литературой. Это первая констатация, из которой есть несколько следствий, и в частности вопрос о том, нужно ли организовывать под видом факультета медиаисследований еще один факультет журналистики. У меня, скорее, ответ отрицательный, и я сейчас объясню почему. А вторая констатация — это, скорее, даже не констатация, а вопрос, предполагающий определенную констатацию. Какая, собственно, медиатеория может быть в системе управляемой журналистики, в системе управляемых СМИ? Мне кажется, что было несколько очень удачных иллюстраций тому, что дело не в образовании, что на уровне бакалаврских программ все может продолжаться очень хорошо. Но по мере приближения к профессиональному рынку, по мере того как студенты начинают увлекаться профессиональной деятельностью, они очень быстро осваивают то простое обстоятельство, что не обязательно хорошо писать, для того чтобы преуспеть, например, и что в конечном счете обладание какой-то общей культурой является решающим ресурсом в журналистской карьере. И усилить гуманитарный блок в рамках журналистского образования, еще более приближая модель факультета журналистики к филфаку, — это с точки зрения такой профессиональной логики контрпродуктивно. Гораздо проще и гораздо важнее было бы набрать влиятельных политиков, зачислить их всех преподавателями

журфака — и будущее студентов, которые учатся на журфаке, почти что гарантировано.

А по поводу медиатеории я хотел провести неожиданную параллель с теологией. Где возникает теология? В католических обществах, т. е. в церквях, которые обладают относительно независимой властью, еще в тот момент, когда светская и духовная власти, собственно говоря, не являются властями в современном понимании этого слова, являются независимыми институциями. Например, Фридриху Барбароссе обязательно нужно было благословение папы, чтобы основать свою Священную Римскую империю. Вот в православии теология не развивается как самостоятельное поле теоретических дебатов в вопросах веры во многом потому, что силовое или политическое соотношение церкви и княжеской власти является принципиально иным. Я не хочу сказать, что медиатеория должна формироваться или формируется как некоторое обоснование самого автономного института медиа. Скажем так, эти относительно автономные медиаинституции являются основанием того, что начинает формироваться некая теория, которая способна критически отнестись со стороны медиа, например, к тем же самым политическим институциям. И именно поэтому мы наблюдаем относительно широкое и живое поле дебатов в области медиатеории в тех обществах или в тех политических условиях, в которых медиа является еще одной властью. Вопрос касается независимости. Нужен ли еще один факультет журналистики или лучше попробовать сделать что-то совсем другое? Я бы сказал, что все-таки медиаисследования — это исследования медиа, т. е. это не школа политической поддержки журналистики или обеспечения молодых журналистов грамотностью, это, собственно, некая область критики медиа с учетом того, что медиа сегодня являются очень экспансивной империей. Я имею в виду, конечно, журналистские институции, институции производства информации и смыслов, им никакая критика не может сегодня всерьез повредить. И не нужно бояться, вероятно, делать некоторые образовательные институции, которые будут учить критиковать медиа, именно потому, что, будучи экспансивной, империя начинает, в том числе, перерабатывать саму себя. То есть журналисты, редакторы, генеральные директора и т. д., и т. д., которые управляют, как им кажется, со жреческих позиций употребления смысла, на самом деле очень часто оказываются заложниками тех жреческих моделей, которые они навязывают, как кажется, черни и несостоятельной интеллектуально или культурно публике. Ценностная система меняется, мы должны ее подхватить, поддержать, поправить и т. д. Очевидно, что это огромный сектор рассуждений о журналистской этике.

Ольга Шергова. Что делать с факультетом журналистики? Важно не то образование, которое настоящие профессиональные журналисты получают в бакалавриате или даже в магистратуре, гораздо важнее для журналиста способность производить

сенсации, при этом не переигрывая с границами допустимого, умение быть включенным в сферу, принципиально отличную от журналистики. Если вспомнить, кто были самые читаемые сенсационные журналисты в разные эпохи: Гиляровский, который водился с кабацкой голью, и легко вообразить его себе в такой провонявшей, полураспавшейся одежде, в которой он и выходил, собственно говоря, собирать свою эксклюзивную информацию; Голованов, у которого в каждой статье с рукавов циркониевая пыль сыпалась, т. е. было видно, в какую среду он включен, в какой среде он обладает некоторым исключительным и, может быть, даже некоторым интимным знанием, которое при этом совершенно не сводится к умению правильно писать по-русски, строить фразы и т. д.; Щекочихин, который делился открытиями из коридоров власти, очень сильно рискуя. Так вот, решение в духе театрального училища: собираются на одном факультете условный Гиляровский, условный Щекочихин, условный Голованов и учат молодых людей. Такой факультет может работать в условиях современной журналистской карьеры, которая в гораздо большей степени зависима от политики, чем от филологии, при этом он может работать только как некий клуб, некий питомник, из которого мэтры будут брать к себе в редакцию молодых журналистов. Видимо, журфаки так отчасти и работают, только мэтрами являются не журналисты, а генеральные директора и прочий управляющий персонал, а будет ли так работать любой журфак, на котором соберутся мэтры, — это большой вопрос. Именно потому, что условия успешной журналистской карьеры не сводятся к мастерству, которое в случае театрального вуза является определяющим. И по всей вероятности, если создавать какой-то факультет именно медиаисследований, а не новый еще один факультет журналистики, выпускники которого не будут знать, где приложить себя, то нужно думать, скорее, о том, чтобы сформировать исследовательский центр, который бы занимался изучением экспансивной империи и критикой того, что медиа производят в современном мире. А здесь уже в гораздо большей степени, чем просто русский язык и литература, нужны марксизм, феминизм, психоанализ и постструктурализм.

Александр Морозов. Допустим, есть три больших блока того, что мы называем образованием в сфере медиа: обучение ремеслу, обучение менеджменту и обучение теории. Существенным сегодня является следующее обстоятельство: ремесло фундаментально изменилось, кардинальные изменения произошли в системе коммуникаций. Сегодня существенным является наличие представления о сценарном нарративе, условно говоря. За последние 15 лет я столкнулся с тем, что ясное представление у журналиста, хотя такой подготовки он не проходил, о сценарном нарративе, о сценарном мышлении оказывалось для меня чрезвычайно важным. Я работал в различных системах — государственных, негосударственных, черного пиара, корпоративного пиара, — и везде колоссально

востребованным оказывалось представление о сценарности, а его никогда в этой системе не преподавали.

Дальше, таким же существенным является базовое представление о функционировании визуальной информации, т. е. вообще визуального поля. И конечно, ясное понимание, что одно дело — это текстовый формат, другое дело — визуальный и что когда текстовые вещи существуют в контаминированном виде, они уже другие. Когда я пришел работать на телевидение, я сразу понял, что каждое следующее предложение не должно вытекать из предыдущего, иначе ты не будешь тут работать. Телевидение так устроено: каждое следующее предложение не должно содержать никакой связи с предыдущим. Главное — оно не должно быть длиннее одной строки. Условно говоря, всего их должно быть четыре. Это было большой новостью для меня, человека, подготовленного на филологическом журналистском факультете, который был недофилологическим. Значит, в ремесле большие изменения. А какие? Какие-то факультеты журналистики пытаются это осознать, пытаются осознать, как это происходит, выработать новое представление об этом. Но оказывается, мы сейчас не знаем, какие факультеты в России вообще куда-то продвинулись от своего функционирования в виде недофилологических факультетов.

Теперь что касается медиаменеджмента. Этим специалистам, конечно, необходимо и критическое представление и, разумеется, представление о ремесле, но сфера экономики, конечно, очень слаба, и правильно Василий говорил: курс экономики — 14 часов на первом курсе факультета. А спрос в деловой журналистике колоссальный, и несомненно, что деловая журналистика является наиболее дорогой, наиболее грузной, продвинутой, конвертируемой, человек, который имеет образование в деловой журналистике, точно так же работает в Европе, как и здесь. Этого нет, и только Высшая школа экономики в последнее время ставит вопрос о том, чтобы срастить экономический факультет с журналистским и выпускать высококлассно подготовленных специалистов деловой журналистики. Это же и государственная, политическая задача, потому что, если мы вырастим новое поколение журналистов, которые реально ориентируются в экономике, они-то и будут проводниками дальше каких-то правильных правительственных программ, они их будут понимать, они будут понимать бюджет. Изменится тогда и коммуникативное поле. Сегодня лишь несколько человек в национальной журналистике в состоянии квалифицированно описать бюджетный процесс, правительственное обсуждение бюджета, причем так, чтобы было понятно еще и гражданам. Менеджмент — это экономика, организационные схемы. Конечно, на факультетах журналистики преподают сейчас эти организационные схемы, но, условно говоря, там несколько привезенных книжек лидеров крупнейших медиакорпораций на уровне «Как я стал богатым». Из этого «Как я стал богатым и знаменитым» преподаватель делает некоторые выжимки — вот, собственно говоря, это и есть преподавание

менеджмента. Мы не знаем, а где вообще в России кто-то что-то преподает разумным образом в сфере медиаменеджмента, причем так, чтобы это стояло уже на одних рельсах с тем, что происходит в Европе, США, Новой Зеландии.

И наконец, что касается теории. Нет, я совершенно не могу согласиться с тобой, дорогой Александр Бикбов. Я понимаю, что теория медиа должна быть марксистской, конечно, отчасти. Но она должна отчасти сопротивляться, и не только потому, что медиатеория должна быть критической, да и вообще теория должна быть критической в кантианском смысле.

Мы же сейчас хотим того, о чем примерно говорят в Евросоюзе. Когда сидишь в колоссальной машине, перемены могут быть только небольшие, а ведь как это сложно — в рамках Евросоюза согласовать любую программу изменений, потому что в этом участвуют 27 стран, правительств, куча партий и национальных парламентов. Тем не менее принимается какое-то решение, и дальше оно идет с помощью медиасферы, начинает продвигаться, обсуждаться, возникает такой очень сложный делиберативный круг. Это и есть современная сфера медиа, потому что если утрачена такая способность, то ни одно решение в этих системах будет невозможно, оно будет погибать. Нельзя будет провести ни одной малейшей реформы ни в образовании, ни в здравоохранении, невозможно будет ответить на проблемы в пенсионной системе, на смерть социального государства, невозможно будет ничего сделать с национальной идентичностью. У меня восхищение вызывает европроцесс, где пытаются таким сложным образом, с помощью таких сложных медиапроцедур построить или хотя бы продвинуть какие-то социальные группы к обретению евроидентичности. Это же колоссальная вещь. Поэтому критичность — да, но это и усилие, потому что хоть мы сейчас и критично относимся к современному состоянию демократии, но ведь, кроме нее, ничего и нет, она меньшее из всех зол.

С университетами происходит то же, что с политическими институтами, с парламентами, а именно: они уже перестали быть теми площадками, как планировались Кантом и Гумбольдтом. Они ориентируются на перфекционистскую модель знания, они гонят выпускника к работе на транснациональные корпорации: куда же им еще идти? Грубо говоря, они формируют лояльного гражданина и т.д. Гумбольдтовская модель университета разрушена, ее больше не будет, мы вообще живем на обломках гуманизма, но это не значит, что мы откажемся от тех ценностей, которые есть, от просвещенческой традиции, просто нам не нужно больше опираться на руины. Нужно всего-навсего задаться вопросом: а как в совершенно новой форме в новой, постдемократической эпохе эти ценности все равно сохраняются в культуре?

Александр Бикбов. Но здесь стоит вопрос о том, как это делать с нуля. У меня есть такое ощущение, что некоторые наработки этих новых институций уже существовали в предшествующую

эпоху. Каким образом дать им вырасти? Исследовательское со-
вмещение журналистики, минус литература (что относится к пре-
красной эпохе) с социологией, с экономикой — это как раз один
из возможных ответов, который опять же, как мне кажется, не на-
чинается с пространства образования, журналистика не получает-
ся путем журналистского образования.

Светлана Бодрунова. И вот есть очень хороший живой при-
мер: сейчас СПбГУ проходит систему реструктуризации. У нас объ-
единяют факультеты в направления, и вместо одного факультета
будет четыре или пять направлений. По своему факультету могу
сказать, что, когда нам объявили, что нас объединяют с филоло-
гическим факультетом и находящимся в том же здании восточным
факультетом, мои коллеги в абсолютном большинстве восприня-
ли это как шок, потому что, несмотря на то что мы когда-то были
отделением филфака и все очень любим филфак, мы были готовы
к объединению с социологией, политологией, историей и чем угод-
но другим вплоть до медицины, но не с филфаком, т. е. филфак там
стоял, наверно, на шестом-седьмом месте, если бы нас спросили.
То есть это к вопросу о том, что это недолитература: на моем фа-
культете я уже лет пять этого не чувствую. Этот момент был, и он
ощущался очень хорошо, потому что объем дисциплин филологи-
ческого спектра очень увеличился, но был связан не только с лите-
ратурами, объемом литератур разных, но и со стилистикой, кото-
рую никуда не денешь. И вот к вопросу немножко о том, что долж-
на быть творческая мастерская. Очень большое было обсуждение
по этому поводу внутри УМС — это структурный орган учебно-
методического совета по всей России, и вообще просто была дис-
куссия большая, все пытались отстоять творческую специальность
для журналистов. В итоге мы этого не имеем в классическом уни-
верситете, мы должны выделиться в школу журналистики и не при-
надлежать университету, либо мы должны быть при университе-
те и находить какую-то модель. Естественно, никто не хочет отде-
ляться, терять брендовую составляющую. И еще: если бы это была
дисциплина, которая не менялась бы так быстро... Будет ли доста-
точно взять специалиста, который, скажем, десять лет назад ра-
ботал, и шесть лет назад был в журналистике, и набирает группу,
и через четыре года, т. е. десять лет, ее выпустит? Будет ли его
опыта и знаний сегодня достаточно, если он будет базовым кура-
тором, сможет ли он привлекать достаточно ресурса, достаточно
сил, достаточно знаний в журналистике, которая меняется каждый
день?